

«Так мы и не свиделись» (К.Н. Леонтьев и В.В. Розанов)

Проблема взаимовлияния В.В. Розанова и К.Н. Леонтьева неоднократно затрагивалось в работах современных российских исследователей¹. Хотя этим двум крупнейшим русским мыслителям и не суждено было встретиться, Розанов на протяжении всей своей жизни постоянно возвращался к идеям и оценке личности Леонтьева.

Знакомство Розанова с произведениями Леонтьева началось с работы «Анализ, стиль и веяние. По поводу романов гр. Л.Н. Толстого», которую он прочитал в июне 1890 года в «Русском Вестнике». Позднее Розанов вспоминал, что это произошло вечером в саду «летнего клуба» города Ельца, когда он зашел в читальню и случайно открыл лежащий на столе журнал. Обстоятельства, при которых он впервые вчитался в леонтьевские строки, сама атмосфера этого вечера, необычное ощущение от статьи неизвестного автора, сравнимое с пощечиной, – все это запомнилось Розанову.

Леонтьев удивил Розанова неприкрытой смелостью, выражавшейся в том, что автор посмел сказать «в лицо обществу» и читателям такие вещи, которые до него никто не говорил. С этого момента Розанов начал интересоваться Леонтьевым. «Кто он такой? – спрашивает Розанов в письме к Н.Н. Страхову. – Какой хаос по изложению – и какие умные замечания, даже до удивительности», и делает вывод: «Отвратительный человек, должно быть, но как запоминаются его слова»². Страхов, отвечая Розанову в письме от 12 декабря 1890 года, замечал, что Леонтьев – это человек, который увлекается религией, народностью, гордостью, смирением и вообще «всем на свете», имея при этом «много вкуса и мало денег и здоровья», при этом «он очень недурен собою и великий волокита», не способный быть несчастным³. Впоследствии, в письме от 5 мая 1891 года, Страхов начинает предостерегать Розанова от излишней увлеченности: «Ваше восхищение от Леонтьева меня очень трогает, как знак Вашей горячей преданности всему умному и изящному. Но не знаю содержания Вашего восторга; думаю, что Вы преувеличиваете, а главное думаю, что самому Леонтьеву это вредно... Да, он хорошо пишет, но мысль несообразна и расплывающаяся»⁴. Страхов также весьма резко отказался достать для Розанова фотографию Леонтьева.

Переписка между Розановым и Леонтьевым завязалась в 1891 году и продолжалась семь месяцев, оказав огромное влияние на формирование личности и взглядов Розанова. Для него Леонтьев, безусловно, был авторитетом. Ему импонировал леонтьевский пессимизм, критика либеральной интеллигенции. Узнав об интересе к его работам, Леонтьев выслал Розанову в Елец свою книгу «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни», после чего пришло и первое письмо.

Розанов также заметил изменение отношения Страхова к его восторженным отзывам, написав Леонтьеву: «...в последнем письме он несколько раздраженно ответил на похвалы Вашему «Национальному вопросу». Но, знаете, темную сторону в складе его характера, его сердца я давно прозреваю: он очень холоден, сух, эгоистичен; он завистлив ко всякому дарованию и почти ненавидит его, когда оно имеет успех...»⁵. В ответном письме Леонтьев признавался, что о Страхове ему писать не хочется, так как он испытывает к нему «физиологическое» отвращение, которое вполне взаимно.

Отдельно в письмах и статьях Розанова стояла тема так называемого «эстетического аморализма» Леонтьева. Характерно место в переписке Розанова со Страховым, где всплывает проблема якобы присущих Леонтьеву сексуальных отклонений. Основываясь на пристрастных словах С.А. Рачинского: «Я отскочил от Леонтьева-студента с каким-то ужасом и омерзением» Розанов поделился своими размышлениями с Страховым⁶. Отношения Страхова с Леонтьевым были довольно натянутыми, и он поспешил подтвердить самые мрачные версии, назидательно добавив: «Вот он Вас обольстил своим умом и своею эстетичностью; между тем это одно из отвратительных явлений. Религия, искусство, наука, патриотизм, – самые высокие предметы вдруг подчиняются самым низ-

менным стремлениям, развратной жажде наслаждения и услаждения себя»⁷. Рассуждения Страхова подтолкнули Розанова к дальнейшим размышлениям о сексуальной греховности Леонтьева. Не рискуя, видимо, строго судить человека, которого он уважал, Розанов писал: «А грехи его – тяжкие, преступные грехи – да простит ему милосердный Бог наш; а главное – да простит ему его великую вину перед женой, неискупимую страшную. Вот в том, что будучи таковым, он все-таки женился и сделал несчастною неповинную женщину – его тягчайшая вина; верно он думал исцелиться ею, но не исцелился, а другую погубил»⁸.

Рачинский и Страхов, испытывали по словам Розанова «непобедимое и неустрашимое отвращение к личности Л-ва и всему образу его мыслей... Оба они возмущались смесью эстетизма и христианства, монашества и “кудрей Алкивиада”, и, главное, жесткости, суровости и, наконец, прямо жестокости в идеях Л-ва, смешанной с аристократическим вкусом к роскошной неге, к сладострастию даже»⁹. Сам Леонтьев не мог объяснить эту злобу, которая была настолько явной, что ее замечал даже В.С. Соловьев. Озадаченный Розанов, трактуя слова Рачинского, и в соответствии с письмом Страхова, попытался перевести этот вопрос в плоскость сексуальных патологий. В любом случае, поведение Страхова в свете вышеизложенного выглядит отнюдь не безупречным с морально-этической точки зрения.

Незадолго до смерти Леонтьева, Розанов посылает ему рукопись своей статьи о его работах - «Эстетическое понимание истории». В ответ последовал эмоциональный отклик: «**Наконец**-то после 20-летнего почти ожидания я нашел человека, который понимает мои сочинения *именно так, как я хотел, чтобы их понимали!*»¹⁰. Опубликованная в 1892 году работа Розанова «Эстетическое понимание истории» стала первой в списке его трудов, посвященных Леонтьеву. Соглашаясь и дискутируя с тем, кого он относил к величайшим мыслителям XIX века Розанов пишет новые статьи: «К.Н. Леонтьев» (1895); «Константин Леонтьев и его «почитатели» (1910); «Неоценимый ум» (1911); «К 20-летию кончины К.Н. Леонтьева (1911); «К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве (Вновь найденный материал)» (1915); «О Конст. Леонтьеве» (1917) и др.

Построив свою метафизику христианства на леонтьевском пессимизме, Розанов был первым, кто назвал Леонтьева «русским Ницше». При этом речь шла не о внешнем совпадении во взглядах, а о глубинном единстве мировоззрения двух мыслителей. Критически относившийся к православию Розанов считал, что Леонтьев даже более дерзко отрицает христианство, чем Ницше. Он был не одинок в своих аналогиях. Философ-декадент Ф.Ф. Куклярский в 1912 г. написал работу с характерным названием «К. Леонтьев и Фр. Ницше как предатели человека», охарактеризованную Розановым как лучшая в русской литературе оценка Леонтьева. Сам Розанов считал, что Леонтьев был «декадентом» еще до того, как появилась самое это имя, что его проза, написанная раньше символических стихов уже являлась их предварением.

В своих оценках Розанов был не одинок. Н.А. Бердяев неоднократно писал о том, что Леонтьев предвосхитил Ницше, сформировав особое мирозерцание, так называемый «эстетический аморализм». Литератор А.А. Закржевский видел в Леонтьеве человека Запада, считая, что «ницшеанство» присутствовало в его взглядах даже в большей степени, чем в работах самого Ницше. Философ С.Л. Франк издал в Германии в 1928 г. статью «К. Леонтьев - русский Ницше». Сходство идей Леонтьева и Ницше отмечали богословы С.Н. Булгаков и Г.В. Флоровский.

Действительно, Леонтьев и Ницше имели нечто общее в своих взглядах. Их объединяла безжалостная критика буржуазного общества, отрицание либерализма и равенства, склонность к героике и презрение к «среднему буржуа», отделение морали от реальной политики, признание неизбежности зла и насилия в реальной жизни. Оба мыслителя любили шокировать общество своими парадоксальными размышлениями.

Однако приверженцы идеи тождественности их взглядов зачастую не могли сопоставить православные убеждения Леонтьева и антихристианство Ницше. Сторонниками сближения взглядов Леонтьева и Ницше из либерального лагеря религиозность Леонтьева